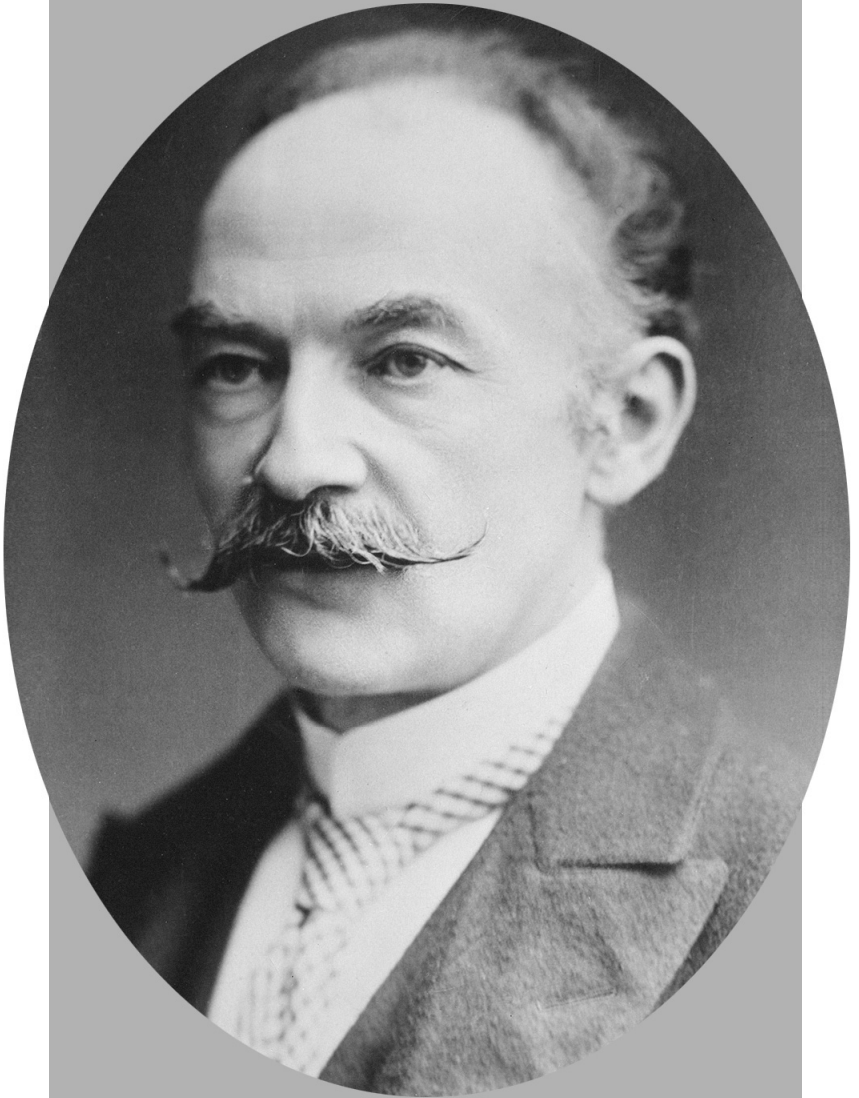

Элегантная классика

Возлюбленная

Зарисовка
человеческого характера

Томас Гарди

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г20

Thomas Hardy
THE WELL-BELOVED:
A SKETCH OF A TEMPERAMENT

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Юлии Фокиной*

Литературный редактор *Олеся Царёва*

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Художественное оформление переплета
Натальи Каитыкиной

Гарди, Томас.

Г20 Возлюбленная / Томас Гарди ; [перевод с английского Ю. Фокиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-215897-1

Томас Гарди (1840–1928) — английский писатель, для которого характерно определение, выражающее главное призвание литературы: изображать природную и духовную сущность человека. Многогранность проявлений этой человеческой сущности в книгах Томаса Харди такова, что одни воспринимают его произведения как «шедевры любовного романа», а другие — как памфлеты против сословного неравенства. Известно, что епископ англиканской церкви устроил публичное сожжение одной из его книг, как нарушающей моральное кредо общества, в то время как Максим Горький поставил Гарди в один ряд с Бальзаком, Золя и Мопассаном.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215897-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полуостров¹, на котором разворачивается большая часть сцен, предлагаемых читателю, само Время выточило из каменного монолита; многие века здесь обитает народ занятный и самобытный, со своими особыми верованиями и обычаями, кои не сохранились в других частях Британии. Фантазии, похоже, возрастают здесь столь же естественно, сколь и кустарники с рыхлой древесиной: они не терпят климата внутренней части страны, где зимы пусть и почти безветренны, зато морозны, но прекрасно выдерживают самые жестокие штормовые ветра. Подобно им, ветвятся здесь и фантазии — главным образом у тех обитателей полуострова, которые не имеют отношения к тяжкому ремеслу, коим исстари кормятся местные жители. Таким образом, полуостров (больше известный как «остров») есть место, способное сформировать тип личности, весьма сумбурно описанный на сих страницах. Речь идет о неко-

---

¹ Имеется в виду Портленд, известняковый полуостров (6 км в длину, 2,4 в ширину), связанный с южным побережьем Англии узкой галечной косой. Административно относится к графству Дорсет. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ей квинтэссенции местного характера. Не исключено, что кто-нибудь из читателей окрестит нашего героя фантазером (если, конечно, вообще почитит вниманием); прочие, пожалуй, увидят в нем всего лишь человека, который обеспечил предметную непрерывность, а заодно и название хрупкой мечте, какую мечту, осознанно ли, нет ли, лелеет каждый человек, и какая мечта, уж во всяком случае, нова для последователей Платона.

«Остров» представляет собой скалистый выступ на южном побережье Англии — этакий клюв, впившийся в Английский канал и столь далеко выдающийся в море, что прикосновения Гольфстрима умягчают здешний воздух до самого февраля. Тем, кто здесь бывал, удивительно, почему поэты и художники весьма редко ищут вдохновения в этих краях — могли бы, кажется, проводить на «острове» месяц-другой, предпочтительнее, конечно, в бурное межсезонье. Говоря по справедливости, один уголок «острова» действительно облюбован (в ущерб родным местам) недюжинными дарованиями из дальних краев; но их присутствие трудно обнаружить. А впрочем, оно и к лучшему, что люди искусства здесь не появляются, не то коттеджики, выстроенные из цельного камня веке этак в шестнадцатом, а то и ранее, коттеджики со средниками¹ в окнах, с парапетными плитами и ступенчатыми щипцами² уже не продавались бы за пару сотен фунтов. О подобных сделках можно было бы забыть, а между тем, по древней «островной» традиции, они совершаются

---

¹ Средник, или горбылёк, — деталь, разделяющая остекленные оконного переплета на части (обычно квадратики или ромбики). С появлением листового стекла перешел в разряд декоративных элементов.

² Щипец — верхняя часть фасадной стены, ограниченная двумя скатами крыши, но, в отличие от фронтона, не имеющая карниза.

в приходской церкви, перед всей паствой; по крайней мере, совершались еще совсем недавно.

Что до самой истории, пожалуй, нелишне будет заметить: отличаясь от всех или большинства историй, где притязания героя лежат хоть в сфере идеала, хоть в сфере материальных благ, и будучи целиком и полностью вымышленной, она выстроена так, чтобы последовательность событий служила заявленной цели.

Впервые этот текст вышел отдельной книжкой в 1897 году; прежде он печатался частями в журнале в 1892 году и имел название «Погоня за Возлюбленной». Для настоящего, окончательного варианта романа отдельные главы были переписаны.

Т. Г. Август 1912 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Молодой человек двадцати лет

*Все ясно:
Вот Она — та, для чьего чела
Венок моих обетов был сплетен;
Она, которая смела
Настолько, чтоб звенеть
Со строками моими в унисон;
И поискам моим, моим скитаньям — баста!¹*

Ричард Крэшо

---

¹ Здесь и далее, если не указано иное, стихи даются в переводе Ю. Фокиной.

1. I

Появление вероятной Возлюбленной

По дороге, что круто забирала вверх, шагал человек, который изрядно отличался от местных жителей. Дорога прорезала насквозь селение Стрит-ов-Вэлз, стиснутое между морскими водами, и являлась таким мостом на сей Уэссекский¹ Гибралтар — полуостров, некогда бывший островом. Так и по сей день именуют эту часть суши, сходную с птичьей головой, что вклинилась в Английский канал. С большой землей «остров» связан длинным и узким каменистым перешейком — полоской гальки, «намытой морем штормовым»²: ничего подобного не сыскать во всей Европе.

---

¹ Уэссекс — вымышленное название, под которым Т. Гарди зашифровал южные графства Британии — Дорсет, Уилшир, Сомерсет, Девон, Хэмшир, отчасти Беркшир и Оксфордшир. Оба полуострова, Гибралтар и Портленд, вытянуты строго на юг — отсюда и аналогия.

² Цитата из путевых заметок английского поэта и историка Джона Леланда (1503–1552).

Путник был тем, кем и казался — а именно молодым человеком, прожившим как в Лондоне, так и в крупных городах Континента. В настоящий момент никто не заметил бы, что городской лоск для него все равно что плащ или сюртук. С чувством, которое сродни угрызениям совести, путник вспомнил: целых три года и восемь месяцев пролетели с тех пор, как он навещал отца на этом скалистом, родном ему острове. За это время он успел повращаться среди людей различных сословий и нравов и сменить две-три страны.

Пока он сам был одним из «островитян», здешний уклад жизни и особенности ландшафта не удивляли его; но теперь юноша был вооружен новыми впечатлениями, и «остров» более чем когда-либо оправдывал в его глазах свое древнее название — Виндилия; а также Логово прашников. Скала, нависшая над морем; террасированное расположение коттеджей, когда порог одного соседа находится непосредственно за дымоходом другого; садики прямо над обрывом, овощи, выращиваемые на практически вертикальных участках, а главное, полное впечатление, что сей кусок известняка в четыре мили длиной есть монолит — вот чему теперь, после перерыва, изумлялся юноша, вот что казалось ему явлением из ряда вон выходящим. Солнце щедро обдавало лучами скальные бока, сиречь «умерших циклов скорбные руины»¹, чья слоистость обуславливается нескончаемой работой моря и ветров над минералом под названием оолит. Белизна этих скал, особенно на контрасте с темной морской водой, слепила глаза и будоражила воображение не менее сильно, чем любое из зрелищ, свидетелем коему успел побывать наш юный путник.

---

¹ Цитата из поэмы П.Б. Шелли «Освобожденный Прометей» дана в переводе К. Бальмонта.

Наконец тяжелый подъем был преодолен, и вершина достигнута. Юноша зашагал по плато в восточном направлении, туда, где находился городишко. Время приближалось к двум пополудни, стоял июль; дорога тонула в пыли, и юноша, немного не дойдя до отчего дома, присел передохнуть на самом солнцепеке.

Его вытянутая рука коснулась скалы и ощутила тепло, то есть, как бы измерила персональную температуру «острова», характерную для него во время послеобеденного сна, в коем он и пребывал. Юноша напряг слух; до него донеслось «ви́рр-ви́рр» и «вззз-вззз-вззз». Эти звуки, производимые каменотесами, считались храпом «острова».

Напротив валуна, у которого юноша устроил привал, находился просторный коттедж, или, скорее, усадьба. Подобно всему «острову», он состоял исключительно из камня — каменными были не только стены, но и оконные рамы, крыша, дымоходы, изгородь, приступка при ней, хлев и конюшня — все, кроме двери.

Юноша вспомнил, что за семья здесь жила — а может, живет и поныне; фамилия их Каро, точнее, «Каро с чалой кобылой», как их прозвали, чтобы отличать эту ветвь от прочих на мощном древе рода Каро, ведь на «острове» обитало с полдюжины семей с такой фамилией, да еще и имена повторялись. Юноша пересек дорогу и заглянул в открытую дверь. Так и есть: они, те самые.

Миссис Каро увидела его в окошко и вышла навстречу, и между ними имел место целый приветственный ритуал. А через секунду распахнулась внутренняя дверь, и из задней комнаты вприпрыжку выбежала девушка лет семнадцати-восемнадцати.

— Ой, да ведь это милый Джос! — воскликнула она, исполненная восторга. И, подскочив к молодому человеку, подарила ему звонкий поцелуй.

Это было очень мило, учитывая, что дарительница обладала парой восхитительно ярких карих глаз и целым каскадом каштановых локонов. Однако ее поступок оказался столь внезапным, столь неожиданным для того, на ком еще не потускнел столичный лоск, что адресат вздрогнул, сам того не желая, и, хоть и поцеловал девушку в ответ, но сделал это после некоторой заминки. Весьма натянуто прозвучала и его фраза:

— Здравствуй, милашечка Эвис; давно не виделись.

Первые несколько мгновений девушка, в своей невинной импульсивности, едва ли сознавала, какой эффект произвела; зато ошеломленность гостя не укрылась от миссис Каро. Мучительно покраснев, она обратилась к дочери:

— Эвис, дочь моя! Что же это ты такое творишь? Разве ты забыла, что с тех пор, как Джоселин — то есть, мистер Пирстон — покинул наши места, ты успела стать взрослой девицей, и поведение, допустимое три-четыре года назад, теперь тебе совсем не подобает?

Неловкость не загладили даже уверения Пирстона в том, что он не удивлен и что, в его представлении, Эвис и следовало хранить обычай детских лет; далее, все трое чуть поговорили на общие темы. Пирстон терзался досадой: надо же было ему вздрогнуть и выдать себя! На прощание он повторил: если, мол, Эвис будет относиться к нему не так, как раньше, он ей этого не простит; но, хоть они и расстались по-дружески, девушка не могла скрыть огорчения. Джоселин вышел на дорогу и двинулся к отчому дому. Мать с дочерью остались одни.

— Ох и стыдно мне за тебя, дитя мое! — с чувством произнесла миссис Каро. — Молодой человек пожил в Лондоне и в заграничных городах; он теперь при-

выкший к чинному обращению. Поди, с такими дамами дело имел, которые улыбнуться от сердца — и то вульгарным почитают. Как тебя только угораздило, Эвис?

— Я... я не подумала, что я теперь другая! — отвечала девушка, явно мучимая совестью. — Раньше я всегда его при встрече целовала, и он меня тоже...

— С тех пор минуло несколько лет, дитя мое!

— Конечно, только я на секундочку забыла! Он ведь с виду совсем такой же, как до отъезда.

— Что ж, сделанного не воротишь. Смотри же, вперед будь благоразумней. Бьюсь об заклад, он знал многих молодых женщин, а о тебе подумать ему было недосуг. Говорят, он выучился на скульптора; большое будущее ему прочат.

— А я такого натворила! — простонала девушка. — И ничего теперь не поправишь!

Между тем Джоселин Пирстон, скульптор, чьей славе еще только предстояло расцвести, приближался к дому отца, человека, чуждого искусству, занятого ремеслом и коммерцией, которого, тем не менее, Джоселин хотел просить о годовом содержании, пока известность не пришла. Однако отца дома не оказалось, ведь он не получил известия о приезде сына. Джоселин побродил по комнатам, обозрел участок общинной земли, где вечные пилы елозили по вечным каменным глыбам — Джоселину показалось, что в его прошлый приезд то были те же самые пилы и те же самые глыбы — и вышел через заднюю дверь в садик.

Как и все садики на «острове», пирстоновский сад окружала стена, сложенная из щебня без применения связующего вещества; неправильный по форме, садик в своей дальней оконечности представлял собой острый угол и граничил с садиком семьи Каро. Не успел Джоселин дойти до общего участка изгороди, как рас-